
It is noted that the freedom of manifestation is not an isolated, detached institution, but it is interdependent and interconnected with all human and citizen's public political rights and freedoms. The main reason for manifestations is the clash of interests of various subjects, which contain their needs. The freedom of manifestation can be used by citizens both in their own favor to obtain certain benefits, and in the interests of collective forms of the society organization. The author has formulated proposals that can be reflected in the legal regulation of the freedom of manifestation in the Republic of Belarus.

Keywords: freedom of manifestation; social struggle; the presumption of manifestation.

UDC 342.729

*Статья поступила
в редакцию 26. 01. 2021 г.*

В. И. ЕРМОЛОВИЧ

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО
РИМА И СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ**

В статье на основе многопланового анализа источников римского частного права и юридических источников средневековой Сербии X—XV вв. исследуется становление и развитие института юридического лица в праве Древнего Рима и средневековой Сербии. Автор проанализировал историю создания, структуру и содержание понятия юридического лица в эпоху Древнего мира и Средневековья, а также особенность механизма рецепции структурных элементов юридического лица в праве Древнего Рима и средневековой Сербии, которые оказали существенное влияние на формирование современного гражданского права стран романо-германской правовой системы.

Ключевые слова: юридическое лицо; римское частное право; Средневековье; Сербия.

УДК 34 (37) 091:347.4 (09) (4)

В настоящее время уже не вызывает дискуссий тот факт, что юристы Древнего Рима не разрабатывали понятия юридического лица как особого субъекта права, противопоставляемого лицу физическому. Однако уже в Законах XII таблиц мы встречаем наличие частных корпораций — религиозного и производственного характера (профессиональные объединения ремесленников). При этом в праве Древнего Рима долгое время не было понятия категории имущества корпорации. Была общая собственность членов корпорации, но только неделимая. Она существовала до тех пор, пока существовала корпорация. В случае прекращения деятельности корпорации имущество подлежало разделу между реально функционирующим составом его членов. Корпорации также не могли выступать и в гражданском процессе.

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ (jermalovich7@gmail.com), кандидат исторических наук, доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Однако со временем римские юристы обратили внимание на тот факт, что имущество далеко не всегда принадлежит отдельным гражданам, а является часто собственностью организации или всего объединения. Следовательно, отдельные его члены не обладают имущественными правами в отношении этой собственности. Например, римский юрист Марциан в своей четвертой книге «Институций» отмечал, что театры, ристалища и тому подобное имущество принадлежит общине как некоему целому, а не отдельным ее членам, и если община имеет раба, то это не значит, что отдельные ее члены имеют какие-то права на этого раба. Данная норма в полном объеме изложена в первой книге Дигестов Юстиниана в следующей редакции: «Universitatis sunt, non singulorum veluti quae in civitatibus sunt theatra et stadia et similia et si qua alia sunt communia civitatum. Ideoque nec servus communis civitatis singulorum pro parte intellegitur, sed universitatis et ideo tam contra civem quam pro eo posse servum civitatis torqueri divi fratres rescripserunt. Ideo et libertus civitatis non habet necesse veniam edicti petere, si vocet in ius aliquem ex civibus» [1, с. 144].

Другой римский юрист Ульпиан в своей 10-й книге «Комментариев к эдикту» отмечал: «In decurionibus vel aliis universitatibus nihil refert, utrum omnes idem maneant an pars maneat vel omnes immutati sint. Sed si universitas ad unum redit, magis admittitur posse eum convenire et conveniri, cum ius omnium in unum recesserit et stet nomen universitatis» [1, с. 366]. Из этого следует, что для существования корпоративного объединения не имеет значения тот факт, остался кто-то из его прежних членов, или все заменены новыми. «И если даже совокупность сводится к одному человеку, — то, по мнению Ульпиана, можно предъявить к нему требования в суде и он может предъявлять требования в суде, так как право всех сосредоточилось в одном и остается имя совокупности» [1, с. 367]. Следовательно, долги объединения (*universitas*) не являются долгами отдельных его членов, а значит, и права объединения не принадлежат отдельным его членам. Тот факт, что понятие корпорации как объединения, в котором имущество, внесенное в корпорацию, представляло собой общую собственность ее членов, и понятия юридического лица как носителя этой собственности сформировалось в римском классическом праве, не вызывает удивления. Процесс понимания римскими классическими юристами сущности юридического лица было опосредовано расцветом экономики Древнего Рима в рассматриваемый исторический период. Это проявилось в широкомасштабном развитии морской торговли, эксплуатации рудников, значительном объеме строительной деятельности и формирующейся системой налогообложения римского государства. Частное имущество не могло в тех условиях соответствовать достижению стоящих задач. С этой задачей могло успешно справиться только юридическое лицо, открытое широкому кругу членов и потому способное интенсивно аккумулировать средства, которые могли удовлетворять эти нужды. Именно тогда возникли крупные и многочисленные корпорации эквесторов, публиканов (откупщиков), аргентариев (банкиров) и т. д. [2, с. 93].

Согласно нормам классического права, юридические лица в публичном праве учреждались на основе решения соответствующих государственных органов (сената или императора) или международного договора (например, на основании договора о союзнничестве, в соответствии с которым учреждались новые самоуправляющиеся единицы).

Юридические лица в частном праве учреждались по решению государственных органов или по инициативе частных лиц. По решению государственных органов как юридическое лицо действовало государство в функции фиска. Фи-

ская деятельность государства — юридического лица в частном праве — сводилась к участию в имущественном обороте римских граждан, других жителей римского государства и международной торговле. Наряду с фиском в римском частном праве действовали и другие юридические лица — самостоятельные государственные предприятия, государственные учреждения и самоуправляющиеся единицы.

Для учреждения частных юридических лиц в Древнем Риме периода республики действовала норма, которая предписывала возможность создания данной организации при участии не менее трех римских граждан. На данный юридический факт нам указывает Марцелл в первой книге «Дигест»: «*Neratius Priscus tres facere existimat «collegium», et hoc magis sequendum est*» [3, с. 472]. Объединения такого рода были уже известны римскому частному праву в V веке до н. э., во время принятия Законов XII таблиц. Данный закон предоставлял членам коллегий (сообществ) право заключать между собой любые соглашения, которые не противоречили нормам публичного права римского государства. Например, 27-е постановление, VIII таблицы указанного закона предоставляло «членам коллегий [сообществ] право заключать между собой любые соглашения, лишь бы этим они не нарушали какого-нибудь постановления, касающегося общественного порядка» [4, с. 13]. Уже во времена правления первых императоров Цезаря и Августа эти требования изменились. Обязательным условием стало предварительное согласие органов государственного управления, т. е. был введен принцип концессии, в отличие от ранее действующего принципа автономии. Согласие на учреждение юридического лица могло быть общим или специальным. Специальным, если происходило учреждение юридического лица с полным новым статусом, а общим, если учреждалось юридическое лицо с типизированным статусом (например, похоронные коллегии или коллегии взаимопомощи) [2, с. 93].

Частные юридические лица делились на хозяйственные предприятия (*societas publicanorum, societates agreriariorum*) и на общества и фонды, или юридические лица, основной целью которых было выполнение общественных, политических, социальных и культурных неэкономических задач.

Правоспособность юридических лиц в Древнем Риме определялась той целью, ради которой они были учреждены (взимание налогов, ведение общественных работ, лечение больных, организация публичных игр). За пределами указанных задач юридические лица правоспособностью не обладали.

Дееспособность юридического лица была напрямую связана с компетенцией его представительного органа. Органы государственных и самоуправляющихся юридических лиц были определены правовыми актами, регламентирующими вопросы государственного управления. Так, организация государственных предприятий и их функционирование были регламентированы непосредственно учредительным актом, а организация и деятельность частного юридического лица проводилась по примеру государственного. Частные юридические лица имели собрание членов, орган избранных руководителей и наемных служащих. Собрание членов было правомочно принимать общие направления деятельности юридического лица. Руководство и наемные работники проводили в жизнь общие решения собрания членов юридического лица в соответствии с его правовым статусом. Во главе всего объединения находился *actor*, или *syndicus* (директор) как высшая руководящая инстанция юридического лица. Механизм реализации правоспособности и дееспособности юридического лица изложен известным римским юристом Гаем в третьей книге «Комментариев к провинциальному эдикту»: «*Quibus autem permissum est corpus habere collegii societatis*

sive cuiusque alterius eorum nomine, proprium est ad exemplum rei publicae habere res communes, arcam communem et actorem sive syndicum, per quem tamquam in re publica, quod communiter agi fierique oporteat, agatur fiat» — ‘Те, которым разрешено образовать союз под именем коллегии, товарищества или под другим именем того же рода, приобретают свойство иметь по образцу государства общие вещи, общую казну и представителя или синдика, посредством которых, как и в государстве, делается и совершается то, что должно делаться и совершаться сообща’ [1, с. 362 — 363].

Деятельность юридического лица в римском частном праве прекращалась с достижением цели его создания, с распадением личного состава его создателей и с признанием противозаконной деятельности организации.

Подводя итог нашим рассуждениям о понятии и применении юридического лица в римском частном праве, следует отметить, что в латинском языке во времена Древнего Рима отсутствовал даже термин «юридическое лицо». Об этом свидетельствуют современные отечественные и зарубежные исследования [5, с. 70]. Римскими юристами не была разработана и сущность этого явления. Они ограничились только фактом признания принадлежности прав различных организаций [6, с. 59]. Римские юристы сравнивали эти организации с человеком, т. е. с физическим лицом, утверждая при этом, что организация действует так же, как *personae vice* (вместо лица, в качестве лица). Ряд отечественных и зарубежных исследователей в этом увидели зарождение «теории фикции юридического лица», которая, однако, сформировалась в эпоху Средневековья [6, с. 59].

Для населения средневековой Сербии понятие юридического лица было уже доступно на уровне норм римского классического и постклассического права. В этой связи следует отметить, что в отличие от стран Западной и Центральной Европы в Сербии, так же как и в Восточной Римской империи и Италии, действие норм римского права было характерным в период раннего и зрелого средневековья. Следовательно, главными субъектами сербского средневекового права были семья, семейная община, церковь и город. Личность как физическое лицо в Сербии того времени крайне редко становилась собственником имущества. Это случалось, если умирали все близкие родственники или по каким-либо причинам прекращала свое существование семейная община (задруга). Аналогичным образом обстояли дела и в отношении права физических лиц к собственности на имущество в странах Западной и Центральной Европы. На это нам указывают нормы «Саксонского зеркала» (кн. 1, ст. 12 «Земское право») — памятника германского права XIII в. [7, с. 22].

И хотя в «Законнике Стефана Душана» — источнике отечественного права Сербии XIV в. — нет четкого определения понятия «юридическое лицо», зато в нем четко указаны виды юридических лиц: церковь, семейная община, село, город, жупа (округ — территориально-административная единица сербского средневекового государства. — *Прим. В. Е.*), государство в виде его институтов, таких как казна.

Вопрос о юридическом лице в эпоху феодализма будем рассматривать на примере важнейшего института общества и государства периода Средневековья — церкви. В этот период она была собственником значительных земельных владений (имений). Есть веские основания полагать, что в средневековой Сербии церковь была таким же субъектом права, как властелин (феодал) или государь. Статья 129 Ходошского списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Назначается наказание, равное с царскими ослушниками, церкви, властелину или кому бы то ни было в государстве за неповиновение цар-

скому судье» [8, с. 145]. Значит церковь как юридическое лицо, по мнению законодателя, могла нарушить закон и соответственно подлежала наказанию за это. Возникает вопрос: считал ли сербский законодатель периода Средневековья церковь как единую организацию общегосударственного характера юридическим лицом или под данным понятием следует рассматривать отдельные церковные приходы и монастыри как самостоятельные субъекты права? На этот вопрос находим утвердительный ответ в ст. 31 «Законника Стефана Душана» «О суде церковных людей», которая гласит: «Лица, представляющие различные церковные приходы или монастыри, должны судиться общим судом, который представляет различные тяжущиеся стороны». Следовательно, законодатель предполагает обособленное имущество церковных приходов и монастырей. Постулат о том, что монастырь есть совершенно самостоятельный субъект права, впервые сформулировал и ввел в законодательство Святой Савва. В написанном им Уставе (типике) Хиландарского монастыря красной нитью проходит положение, отражающее воззрение своего времени на церковь. А именно Хиландарский монастырь и все принадлежащие ему владения (имения) считались собственностью Богородицы, представителем которой был игумен. Он как представитель имел ограниченные права, т. е. не мог передавать имущество своим родственникам, друзьям или оставлять себе. Если появлялась необходимость в ведении строительных и ремонтных работ, реставрации книг и икон, игумену следовало действовать, заручившись поддержкой всей старшей монастырской братии (монахов). Кроме того, сформулированное еще Святым Саввой положение Устава монастыря требовало от всех без исключения должностных лиц ведения книги прихода и расхода. Поэтому не случайно, что в Хрисовулах, выданных Жичанскому, Грачаницкому, Хиландарскому, Студеницкому и ряду других монастырей еще в 20-х гг. XIII в., верховная власть страны запрещает подчинять их в имущественном отношении как светским, так и церковным властям [9, с. 13, 14, 18]. Это и есть прямое признание за монастырем статуса юридического лица.

Представителем монастыря как юридического лица был игумен, а церковь как единую организацию в масштабе Сербского феодального государства представлял архиепископ. На это указывают ст. 33 Призренского и ст. 37 Бистричского списков «Законника Стефана Душана». Согласно этим статьям все монастырское имущество предоставлялось в распоряжение игуменов, которые должны управлять им по закону и справедливости. Причем игумен единолично не мог решать вопросы ведения монастырского хозяйства. Он не имел права решать вопросы о купле-продаже монастырского имущества. Согласно Хрисовулу, пожалованному королевской властью Архангелогородскому монастырю (не позже 1353 г.), предусматривалось только коллегиальное решение данного вопроса с участием старшей монастырской братии. В частности, в указанном Хрисовуле была зафиксирована следующая юридическая норма: «Да не волен игумен что-либо отдать или сделать без согласия на то: эконома (управляющего), ключника и казначея» [10, с. 697]. Вопрос о продаже земли, принадлежащей монастырю, мог решить только собор данного монастыря — высший орган его управления [11, с. 543]. Все церковное имущество, кроме монастырского, находилось в пользовании представителей высшей духовной иерархии. Об этом свидетельствуют Хрисовул Стефана Душана, выданный монастырю Михаила и Гавриила близ Призрена, где есть упоминание о крестьянах призренского митрополита, живших на монастырских землях [12, с. 1 — 70].

Правовые источники свидетельствуют, что сербские средневековые города также обладали статусом юридического лица. Например, в 1230 г. сербский король Радослав подтвердил положения Хрисовула, выданного королем Георгием о том, что г. Котору пожалованы земли на вечные времена. В 1351 г. Стефан Душан подтверждает положения грамот, выданных его предшественниками [9, с. 151]. Факт владения городской общиной недвижимой собственностью налицо.

Так, ст. 125 Призренского и ст. 119 Бистричского списков «Законника Стефана Душана» указывают на то, что Хрисовулом сербского царя Стефана Душана даже за завоеванными греческими городами было гарантировано сохранение их недвижимой собственности. Кроме того, ст. 117 Раковецкого и ст. 138 Призренского списков «Законника Стефана Душана» «О Хрисовулах» запрещали даже верховной (царской) власти нарушать указанные юридические нормы. Они гласят: «Хрисовулы моего царского величества, что дарованы городам моего царства, что в них написано, да не вольны того нарушать в них ни господин царь, ни кто-либо другой. Да будут тверды хрисовулы» [13, с. 138].

Характерной чертой юридического лица является наличие у него правоспособности. О наличии данной правовой категории у сербского средневекового города свидетельствуют ст. 121 Бистричского и ст. 127 Призренского списков «Законника Стефана Душана» с единым названием «О городской земле», которая гласит: «Городская земля, что около города, что на ней будет ограблено или украдено, все то да платит округа» [8, с. 200; 13, с. 134]. Таким образом, город признается самостоятельным субъектом права. Вместе с тем до настоящего времени остается неизученным вопрос, какое должностное лицо или орган представляли город как юридическое лицо в средневековом сербском государстве?

Литература

1. Дигесты Юстиниана : в 7 т. : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2002–2005. — Т. I. — 2002. — 584 с.
2. Пухан, И. Римско право: основен учебник / И. Пухан, М. Поленак-Акимовска. — 2-е изд. — Скопје : Правен факултет, 1996. — 434 с.
3. Дигесты Юстиниана : в 7 т. : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2002–2005. — Т. VII. — Полутом 2, 2005. — 564 с.
4. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М. : Зерцало, 1997. — 608 с.
5. Bruck, E. F. Ueber römisches Recht im Rahmen der Kulturgeschichte / E. F. Bruck. — Berlin : Springer-Verlag Berlin, Heidelberg, 1954. — 168 s.
6. Новицкий, И. Б. Основы римского гражданского права / И. Б. Новицкий. — М. : ЗЕРЦАЛО, 2000. — 400 с.
7. Novitskiy, I. B. Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava [Basics of Roman civil law] / I. B. Novitskiy. — М. : ZERTsALO, 2000. — 400 p.
8. «Саксонское зеркало»: памятник, комментарии, исследования / под ред. акад. АН УССР В. М. Корецкого. — М. : Наука, 1985. — 272 с.
9. Законик царя Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / уредник академик М. Беговић. : в 3 књ. (1975–1997 године). — Београд : Српска Академија наука и уметности, 1981. — Књ. II. — 300 с.
10. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii / ed. F. Miklosich. — Viennae : A. P. Braumüller, 1858. — 580 p.
11. Новаковић, С. Законски споменици српских држава средњег века / С. Новаковић. — Београд : Српска краљевска академија, 1912. — 912 с.
12. Тарановски, Т. Историја српског права у Немањинској држави / Т. Тарановски. — Београд : Службени лист СРЈ, 1996. — 805 с.

12. Хрисовуль Душана монастырю архангеловъ Михаила и Гавріла близіъ Призрѣна // Синан-паша / написао П. Срећковић. — Биоград, 1865. — С. 1—70.

13. Законик царя Стефана Душана: Барањски, Призренски, Шиматовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис : в 3 књ. (1975—1997 године) / уредници академици М. Пешикан, И. Грицкат-Радуловић, М. Јовичић. — Београд : Српска Академија наука и уметности, 1997. — Књ. III. — 499 с.

(Окончание в № 6 2021 г.)

VIKTAR YERMALOVICH

**LEGAL ENTITY IN THE ANCIENT ROMAN LAW
AND THE LAW OF MEDIEVAL SERBIA**

Author affiliation. *Viktar YERMALOVICH* (jermalovich@gmail.com), *Belarus State Economic University (Minsk, Belarus)*.

Abstract. Based on the multifaceted analysis of the Roman private law and Serbian juridical sources of the 10th–15th centuries, the study of the evolution of the institution of the legal entity in the law of Ancient Rome and medieval Serbia was carried out. The author has analyzed the history of creation, the structure and contents of the notion of legal entity in the epoch of the Ancient World and Middle Ages, as well as the peculiarity of the mechanism of adopting the structural elements of the legal entity in the Ancient Roman private law and the law of Medieval Serbia that exerted considerable influence on the formation of modern civil law of the countries with the Roman-Germanic legal system.

Keywords: legal entity; Roman private law; Middle Ages; Serbia.

*Статья поступила
в редакцию 09. 03. 2021 г.*

А. Г. ШУШКЕВИЧ

**ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТАМОЖЕННЫЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
(Часть 2. Начало в № 3 2021 г.)**

В статье исследуются исторические этапы становления и развития административной ответственности за нарушения порядка таможенного регулирования на территории Республики Беларусь. Указанные этапы связаны со становлением белорусской государственности и охватывают более чем тысячелетний период от середины IX в.

Андрей Геннадьевич ШУШКЕВИЧ (andrey-jurist@inbox.ru), *соискатель кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь)*.